

В концертном зале Гнесинки выступит пианист Андрей Гаврилов. Virtuoz и эксцентричная личность, на родине Гаврилов играет нечасто. "Ваш досуг" побеседовал с мастером о соперниках и современниках.

Сидишь на каком-нибудь пианистическом конкурсе – унылое зрелище: огромный черный рояль-монстр щерится несгибаемой клавиатурой. Один за другим выходят сутулые чудики, пианист за пианистом, и тарабанят чего-то, тарабанят... Вдруг ты просыпаешься: у кого-то все вдруг зазвучало иначе, по-своему и в лад со всем живым. Сразу ясно: человек родился пианистом. Именно так все и было с Андреем Гавриловым на V конкурсе Чайковского в 1974 году. Гаврилов обрел всеююзную славу в один день. И очень быстро – всемирную. С тех пор не сдает позиции оригинальнейшего музыканта современности. Гражданин четырех государств, живет он давно не в России.

Андрей, где вы сейчас обосновались?

В Цюрихе. Раньше жил в Люцерне, как раз напротив Рахманиновского дома, но стало слишком шумно из-за туристов и карнавалов.

А бываете ли в Москве, в вашей знаменитой квартире через стенку с комнатой Гоголя?

Несколько дней в году, только во время гастролей.

Что в первую очередь вспоминаете, думая о Москве?

А я о ней не думаю. Москва – понятие слишком широкое. Переулки, площади, дома, городской транспорт, культурная и политическая ситуация в ней – все это меня больше не занимает. Вспоминаю только о некоторых людях, которых люблю. Постараюсь сейчас хорошо отыграть мою программу – в том числе и для них.

Программы складываются случайно?

Я каждый раз мечтаю сыграть на концерте одно мета-произведение. Со своей гармонией, своей внутренней сообразностью. Чтобы музыкальные эпохи сходились в

единый узел. "Фантазия" Моцарта – набросок к "Реквиему": фатум и одинокий художник. Соната Бетховена фа мажор – дивная веселая музыка с тревожной и в то же время блаженной средней частью и великолепным финалом, где Бетховен просто "сфотографировал" немецкий праздник, фест. Все пляшут, дуют пиво и обнимаются... А в церковках колокольчики звонят. Баллада Шопена фа мажор – черное и белое. Покой и буря. Баллада фа минор – "Песня длиною в жизнь". Исповедь композитора. Музыкальный рассказ о волнующих композитора вещах – от любви до революции. "Бабочки" Шумана – карнавал в Вене и в душе композитора. Рахманинов – русские пейзажи, поэзия XIX века, половодье, пьяное русское счастье и русская меланхолия. Прелюдия соль минор со средней частью, похожей на иллюстрацию лермонтовской поэзии (Восток, нега, Кавказ)... Третья соната Прокофьева – чистое, прозрачное, весеннее, замечательно свежее московское произведение. Солнечный протуберанец дореволюционной культуры модерн.

Почему современные авангардисты высказываются о Рахманинове с неким презрением? Говорят, что это такой запоздалый поп-романтизм.

Каждый гений непросто по-своему. Но всегда чист по гамбургскому счету, который очень любят упоминать в России. Что касается обвинения в "запоздалости" – так авангардисты часто им бросаются. Для красного словца какую дрянь не скажешь. Что-то подобное о Рахманинове говорили сто лет назад и поклонники Новой венской школы – и оказались неправы. Музыка Рахманинова живет и востребована не только людьми русской культуры, но и японцами (которые особенно ценят русский мелодизм), и немцами (часто любящими его больше, чем собственных корифеев Шумана и Бетховена), и аналитиками-англичанами. Презирай, не презирай – Рахманинову это никак не мешает, таких высот он достиг. Пусть авангардисты попытаются своими козлиными прыжками подскочить хоть до его подошв.

Андрей, фортепиано уходит в прошлое? Часто слушаешь пианиста, и кажется: это искусство уже почти умерло.

Нет. И не умрет. Да, руки, трогаящие клавиатуру, часто не чистые. И неумелые. Так это и раньше бывало. Если их помыть да подучить – все по-прежнему заблещет.

Вот китайца Ланг Ланга взять: виртуоз, блистает дальше некуда. Но что так раздражает?

Он не принадлежит к европейской культуре не из-за этнического происхождения, а потому, что, к примеру, Шопена невозможно взять нахрапом, волей или техникой. Нужно

потратить десятилетия. Полностью изменить себя, менталитет... Нам же тоже не хватит одной жизни, чтобы стать самураями, пройдя японскую школу и нахватавшись поверхностных знаний. Даже если мы хорошо владеем мечом и научились делать харакири.

А вы сами кого-то из современных пианистов способны слушать?

Я внимательно слушаю и беспощадно критикую только одного современного пианиста – самого себя. Невозможно быть артистом и публикой в одном теле. Я – артист. Это моя работа. У меня нет времени ходить на концерты. Тем более что многие современные пианисты с мировыми именами, входящие в коммерческую "элиту", не дотягивают даже до третьестепенных артистов 50–60-х годов.

Вы известны как визави Рихтера, а также своей критикой в его адрес. Вы все еще внутренне воюете? Каков же главный упрек противнику, теперь уже летящий в космос?

Визави означает "сидящий напротив". Напротив Рихтера я никогда не сидел. Сидел или рядом с ним у фортепиано, когда мы вместе работали. Или где-то вдалеке от него в его спальне – в кресле, а он – в другом. Так мы беседовали обо всем на свете. Не визави – скорее на разных сторонах диагонали, в противоположных углах. В прямом и в переносном смысле. А противником Рихтера я был, условно говоря, дважды. Первый раз – когда играл с ним четыре раза по четыре концерта сюиты Генделя. Эти концерты некоторые называли дуэлью. Вспоминаются строки Мандельштама о теннисисте: "Он творит игры обряд, Так легко вооруженный, Как аттический солдат, В своего врага влюбленный..." По мнению самого Рихтера, я эту дуэль выиграл. Второй раз я был его противником в армрестлинге на столике в кафе в Париже тридцать лет назад. Этот поединок тоже выиграл я. Больше я противником Рихтера не был. Никаких упреков в космос я не посылаю. Это все равно что пускать туда самолетики из туалетной бумаги... Если кого-то интересуют подробности – надо набраться терпения. Я воспоминания пишу, там найдутся ответы на все вопросы по теме "Гаврилов – Рихтер". К весне хочу закончить. Книга будет большая, страниц 400, а может, и больше.

Пойдет на ура. А правда ли, что про вас будут кино снимать?

Не то Альмодовар, не то Дэвид Линч. Переговоры ведут испанцы. Но как к делу подошло, месяца два назад, – оказалось, мне надо полгода со сценаристом в самолетах летать, в артистических сидеть, вместе есть за столом и говорить, говорить, говорить. Это же удавиться. Вот я и сел за книгу, до того перепугался. Пусть по ней и пишут сценарий, правильно же? Вообще пусть они сами сначала объявят о своем проекте. А то получается, что я воду в ступе толку. То же самое – с проектом "Гольдберг-вариаций" со звездами рока. Это так трудно довести до конца, от идеи до концерта проходят годы! Зато, даст Бог, в марте, на грандиозном концерте в Лондоне в честь 80-летия Михаила

Горбачева, сыграю в четыре руки с Элтоном Джоном.